

ДУХОВНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

УДК 2-591

<https://elibrary.ru/imxdgb>

БОГОИСКАТЕЛЬСТВО И БОГООСТАВЛЕННОСТЬ: О НЕКОТОРЫХ ХРИСТИАНСКИХ МОТИВАХ В ПРОЗЕ И. С. ШМЕЛЁВА О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ И ПЕРВЫХ ГОДАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ЭПОПЕЯ «СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ», ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ 1920-Х ГГ.)

Священник Евгений Михайлович Дынич
аспирант кафедры филологии
Московской духовной академии
141300, Россия, Московская область,
г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра,
Московская духовная академия
E-mail: radtel@rambler.ru
ORCID: 0009-0007-5692-8376

Для цитирования: Дынич Е. М., свящ. Богоискательство и богооставленность: о некоторых христианских мотивах в прозе И. С. Шмелёва о гражданской войне и первых годах советской власти (эпопея «Солнце мёртвых», избранные рассказы 1920-х гг.). EDN: IMXDGB// Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2024. № 3 (28). С. 189–215.

Аннотация

Статья посвящена изучению темы богоискательства и богооставленности в прозе И. С. Шмелева 1920-х гг. и комплексу связанных с этой темой христианских мотивов. В центре исследования находится эпопея «Солнце мертвых». Также для создания более целостной картины явления было проведено сопоставление с рассказами и письмами Шмелева, смежными по тематике и времени создания. В исследовании применялись описательный, мотивный и мифологический методы.

В результате исследования были выявлены особенности художественной реализации аксиологических, антропологических и религиозных категорий в прозе И. С. Шмелева. Исследование показало, что в изученных

произведениях тему богоискательства и богооставленности образует определенный круг мотивов. Основными из них являются мотивы безумия, сна, слепоты, поиска, движения, страдания, интеллектуального бессилия, надежды. Образ Бога в эпопее «Солнце мертвых» складывается из противоречивых мотивов судьбы, жестокости, справедливости, смерти, воскресения, мудрости, красоты, плодородия, милосердия, самопожертвования, света. Также в творчестве Шмелева одним из главных понятий, связанных с темой богообщения и веры, является бессмертная душа человека, что соответствует христианской антропологии.

Главным выводом работы является то, что в эпопее «Солнце мертвых» образ Бога предстает в несколько искаженном, с христианской точки зрения, виде. Центральным объектом художественного изображения в эпопее можно назвать переходное состояние поврежденной горем человеческой души, еще не преодолевшей собственного отчаяния и маловерия, но активно жаждущей обрести опору. В связи с этим замечено, что сюжет обретения веры в Бога в результате встречи с человеческой добротой и милосердием становится инвариантным и в «Солнце мертвых», и в большинстве изученных рассказов.

Ключевые слова: И. С. Шмелев; «Солнце мертвых» и рассказы 1920-х гг.; русская революция и гражданская война; первые годы советской власти; богоискательство и богооставленность; христианская традиция в русской литературе.

Введение

Литература 1920-х гг. о революционных событиях, гражданской войне и первых годах советской власти интересна тем, что она отражает момент утраты прежних основ существования русского человека и усиленный поиск новых смыслов жизни. В ней можно увидеть внутренние противоречия русских писателей, их предчувствия о будущем России и мира, а также первые попытки осознать произошедшее, дать ему оценку – историческую, политическую, нравственную, духовную – и, насколько это возможно, ответить на вопросы: как жить дальше после всего увиденного и пережитого? как, во что и в кого верить?

Данная статья посвящена тому, как отражен кризис веры, вызванный жестокостью и бедствиями междоусобной войны, в прозе И. С. Шмелёва – одного из самых знаменитых писателей русской

эмиграции, пережившего в Крыму не только ужасы междуусобицы, красного террора и голода, но и большое личное горе – потерю единственного сына Сергея.

Вечная тема поиска Бога и Его Правды во время тяжелых испытаний важна для каждого человека во все времена, но особенно она востребована в годы страшных социальных катаклизмов, когда вопрос о Божьем Промысле и целесообразности страданий становится болезненным и актуальным. Это, безусловно, объединяет литературу 1920-х гг. с настоящим историческим моментом и потому требует ее внимательного изучения. Новизна исследования заключается в том, что в нем затронут круг малоизученных вопросов об отражении христианской духовной жизни в художественной литературе. Область практического применения результатов работы – использование их в педагогической и миссионерской деятельности.

Основная часть

Художественный мир эпопеи И. С. Шмелева «Солнце мертвых» открывается с описания человеческого сознания в пограничном состоянии. Рассказчик находится в полусне, перед пробуждением (первая глава – «Утро»). В изображении пограничного состояния мира и человека в творчестве Шмелева революционного времени прослеживается, по словам Е. А. Осьминой, поэтика «брета... с рваными, короткими фразами, исчезновением логических связей, сдвигом во времени и пространстве... Смят, разрушен былой гармонический порядок жизни; она [революция] показала свой звериный лик; и герой бьется в пограничной ситуации между жизнью и смертью, реальностью и безумием, надеждой и отчаянием» [1].

У Шмелева поэтика брета выражена в первую очередь с помощью воспроизведения чужой речи – главного приема сказа (Шмелев считается мастером этого литературного жанра; см. подзаголовки: рассказ спасенного, рассказ ветеринара, рассказ следователя и т. д.). Речь героев Шмелева чаще всего нарочито спутанная, и герои его зачастую безумны (от душевного потрясения) или балансируют на грани безумия. Это и «миндальный доктор» в «Солнце мертвых», и разгоряченный чудаки-интеллигент в рассказе «Голуби», и потерявшая разум старуха, ограбленная собственным сыном-красноармейцем (рассказ «Про одну старуху»), и многие

другие – список очень обширный. (Отметим, что у Шмелева безумие или просто состояние крайнего возбуждения нередко сопровождается неким озарением, прозрением, внезапным «сверхпониманием» сути вещей, иногда ложным; безумцы Шмелева часто входят в его галерею *праведников*).

В «Солнце мертвых» автор также с первых слов подключает читателя к потоку сознания своего автобиографического героя, от лица которого ведется повествование. Таким образом читателю напрямую сообщается состояние человека, переживающего тяжелейшие физические и душевные муки. От горя, истощения и беспомощности сознание рассказчика и других страдающих героев эпопеи как бы рушится (ненавидимых автором большевиков, наоборот, *пьянит* иллюзия своей неограниченной власти и страх ее потерять). В связи с этим неоднократно звучит тема интеллектуального бессилия человека перед лицом страшных бедствий, и в эту тему вплетаются мотив сомнения в реальности происходящего и мотив сна: *«Смотрю я, думаю, вспоминаю... хочу осмыслить... Сон кошмарный? В плен к дикарям попался?.. Они все могут! Не могу осмыслить. Я ничего не могу, а они все могут!»* (глава «Хлеб насущный») [2, с. 475–476].

Эта тема разворачивается и в речи самого «мыслящего» героя эпопеи – «миндального доктора» Михаила Васильевича Игнатьева: *«Как сон какой-то... И что за память дырявая! Сегодня я забыл – “Отче наш”! Три часа вспоминал – не мог!»* (глава «Мemento мори») [2, с. 497].

«Мы теперь можем создать новую философию реальной ирреальности! новую религию “небытия помойного”... когда кошмары переходят в действительность, и мы так сживаемся с ними, что бывшее нам кажется сном. Нет, это невыразимо!» (глава «Сады миндальные») [2, с. 508].

Мотивы безумия и интеллектуального бессилия рифмуются с мотивом слепоты, поскольку потеря зрения метафорически часто обозначает потерю разума, неспособность увидеть вещи в истинном свете. Духовная слепота является одним из главных препятствий на пути человека к Богу. Таким образом, мотив слепоты непосредственно раскрывает главную тему нашей работы.

Мотив слепоты встречается в «Солнце мертвых» и в рассказах Шмелева многократно. Он обладает широким спектром значений.

Вот основные варианты его экспликации в буквальном, физическом смысле:

– ослепление как особенно жестокое убийство. Подобные примеры мы видим в рассказах «Каменный век» («Хотелось глаза увидеть... И он увидел. Мутно смотрели они шарами. Выкатившимися белками смотрел на него Сшибок» [3, с. 157]) и «Свечка» («Позапрошлой ночью, на восьмом хуторе, где служил Куряч, убили управляющего, – с выбитыми глазами нашли за кузницей» [3, с. 92–93]);

– слепота от горя: «Так ослепла старая татарка, над которую сжалились осенью, отдали задыхающееся тело ее офицера-сына, забитого шомполами» («Солнце мертвых», глава «В глубокой балке») [2, с. 528]. Герой-повествователь в «Солнце мертвых» сам хочет ослепнуть – больше не может видеть того, что вокруг: «Я рубяю дубовые “кутюки” – с визгом летят осколки. Глаз бы хоть выбили... оба глаза... Тьма все накроет» (та же глава) [2, с. 529].

Метафоры слепоты у Шмелева разнообразны, что подчеркивает всеобъемлющее значение этого мотива: «В ее стеклянных глазах я вижу слезы. Немые, коровьи слезы» [2, с. 465]; «Жадно смотри на солнце, пока глаза не стали оловянной ложкой» [2, с. 478].

Слепота в тексте эпопеи является и атрибутом, и синонимом смерти, маркирует собой все пространство (например, часто упоминаются «ослепшие дачки» с выбитыми окнами). Очевидно, что слепота для Шмелева – символ безбожного времени. Царство жестокости, безверия и горя. Наступление «ночи мира».

Отсутствие зрения в буквальном смысле закономерно связано и с метафорическим осмыслением слепоты. Слепота духовная – также одно из важнейших понятий, с помощью которых Шмелев объясняет причины революции, гражданской войны и победы большевизма.

Во-первых, в этом, по Шмелеву, виновата русская интеллигенция, ослепленная собственной гордыней и иллюзиями о спасительности гуманизма. Здесь нужно вспомнить главы, посвященные «миндальному доктору» («С визитом», «Мemento мори», «Сады миндальные», «Под ветром», «Конец доктора»). Профессор в своих полубезумных речах подводит итоги жизни, в которой современный читатель может усмотреть атеизм и материализм русской интеллигенции, ее преклонение перед Западом, незнание род-

ной страны, истории и народа, «революционную лихорадку». Все это, по мнению профессора, позволило большевизму воцариться, привело к «помойке». История Михаила Васильевича Игнатьева показывает, что идеализм, служение во имя абстрактного блага человечества бессильны перед жадой власти и наживы, перед инстинктом самосохранения. Этой силе надо было противопоставить основание покрепче, чем гуманизм и вегетарианство, чем самые прекрасные сады и прекраснодушные беседы: Веру во Христа Воскресшего и следование Его заповедям. Символична и смерть «миндального доктора» – самоожжение в собственном домике «из лучинок» (причем его старый крепкий дом растащили после его смерти за один день). От тела сгоревшего доктора остался только череп, и в его *пустые глазницы* тыкали пальцами. Оставшийся череп – тоже символ: источник бед, гордыни, вместителище ума и безумия, голова Адама («будете как боги» (Быт. 3, 5)). Это символ уничтоженных XX-м веком иллюзий о том, что интеллект, ratio делает человека всемогущим, и даже просто делает человека человеком. «Солнце мертвых» показывает, что без Бога человек может стать хуже зверя.

По мнению Шмелева, ответственность за катастрофу лежит и на простом народе, который тоже «ослеп», позволил «вождям» большевизма себя обмануть: *«Закрыли тебе глаза – на кровь, крепко забили уши. И орал ты весело, как мальчишка: – Ай да наши! родная власть!..»* [2, с. 565]. Бывший мастер-кровельщик Кулеш, к которому рассказчик обращается в данном отрывке, всегда мог прокормить себя и семью своим ремеслом, а после прихода большевиков умер от голода, и не на что было его похоронить.

Итак, Шмелев помещает мотив слепоты в контекст рассуждений о русской революции и таким образом явно отсылает читателя к словам Евангелия: *«Оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму»* (здесь отсылка к Мф. 15, 14. – *Е. Д.*). Из этого можно сделать вывод, что главное значение данного мотива в эпопее – слепота духовная, мешающая человеку избавиться от иллюзий и найти Бога.

Слепота в «Солнце мертвых» происходит из двух основных причин – гордыни и горя. Но если гордыня, как правило, приводит человека к тупику и самоуничтожению, то в проживании горя для него может открыться духовная жажда, а значит, и возможность

прозреть. Важно помнить, что слепых в Евангелии исцеляет Христос. Только Бог может даровать человеку зрение.

Вернемся к началу «Солнца мертвых». Нас интересует смыслообразующий мотив *поиска*. Итак, в начале первой главы рассказчик находится между реальным пространством своего дома и ирреальным пространством *сна*. И сразу же в обоих пространствах начинает звучать этот мотив: наяву рассказчик слышит, как ломится в его огород чужая голодная корова Тамарка, безуспешно ища себе пропитание; сам же рассказчик вспоминает свои «*пышные сны*», где он тоже находится в поиске, но не еды или дров, как в «убогой яви». В нереальном пространстве, в своих «*пышных снах*» рассказчик ищет *кого-то*. Видимо, кого-то дорогого сердцу – того, кто вернёт смысл жизни, вернёт саму жизнь:

«Я хожу и хожу по залам – ищущу... Кого я с великой мукой ищущу – не знаю. В тоске, в тревоге я выглядываю в огромные окна... Странных людей я вижу. С лицами неживыми, ходят, ходят они по залам в одеждах бледных – с икон как будто – заглядывают со мною в окна. Что-то мне говорит, – я чую это щемящей болью, что они прошли через страшное, сделали с ними что-то, и они – вне жизни, уже – нездешние... И невыносимая скорбь ходит со мной в этих, до жути роскошных, залах...» [2, с. 455].

Этот фрагмент следует интерпретировать с опорой на знание биографического контекста «Солнца мертвых». Известно, что И. С. Шмелёв и его жена на протяжении долгого времени не могли узнать правду об участии своего сына Сергея, который в декабре 1920 г. отправился к большевикам на регистрацию как бывший офицер и затем без вести пропал. На протяжении нескольких месяцев Шмелёв ездил по разным инстанциям, писал письма Луначарскому, Горькому, Вересаеву, но ничего не помогло. Сергей был расстрелян в Феодосии в конце января 1921 г. Родители его узнали об этом только спустя пять месяцев. Это потрясение сделало для Шмелёва пребывание в России невозможным:

«Здесь я не могу работать. Мне больно, мне не по силам. Здесь все закрыто для меня одним – нет моего мальчика... <...> А вне России? Я, б[ыть] мож[ет], буду там на черной работе где, но я буду другой. Я найду силы стать писателем. Я за кусок хлеба буду на шоссе камень бить, но я буду творить в душе. А здесь, где у меня сына, мое самое ценное, взяли, я не могу распрямить душу. Мне

колет глаза и сердце. Я не могу. Помогите, если можете. Спасите последнее мое – мое призвание писателя» (Письмо И. С. Шмелева В. В. Вересаеву 20.10.–2.11.1921 г., Алушта).

«Я болен, знаю. И вот живу я с грамотой охранной, с телеграммой тов. Калинина о покровительстве. Горько, больно. Вот она, скверная усмешка жизни. Вся моя “охранная-то грамота” в сыне была. И будь он со мной, я бы теперь не сидел, я и жена, бедняжка, как убитые жизнью люди, в дыре у моря, в лачуге, у печурки, как богадел[ы]... <...> Дорогой В[икентий] В[икентьевич] – не забудьте нас, умоляю. Об одном прошу – помогите получить разрешение уехать из России. Здесь, где я потерял – ни за что! – так страшно потерял самое дорогое (я не виню Москву, помощь Москвы только опоздала), – здесь мне трудно, тяжело жить, больному. <...> Теперь моя душа вся изранена, мне нет воздуха. На что бы ни посмотрел я – везде я вижу страдающие глаза моего светлого безвинного мальчика. И все во мне [исход]ит болью. Ну, представьте Вы себя на моем месте. Вот в этой вот комнате у Вас убили любимое, бесценное, мучительно убили – и Вам бы нужно было творить здесь же, писать свои образы свободно, не выходя из этой комнаты, не избавляясь от этой боли! Смогли бы?» (Письмо И. С. Шмелева В. В. Вересаеву 20.11.–3.12.1921 г., Алушта) [4].

Получив возможность приехать из Крыма в Москву, уже оттуда Шмелёв с женой уезжают в Германию, затем во Францию (конец 1922 – начало 1923 г.). Е. А. Осьминина пишет, что «именно там писатель окончательно уверился в гибели сына: врач, сидевший с юношей в подвалах Феодосии и впоследствии спасшийся, нашел Шмелевых и рассказал обо всем. Именно тогда Иван Сергеевич решил не возвращаться в Россию...» [1].

Из приведенных цитат становится очевидно, что для Шмелева в то время единственный сын и литературное творчество составляли высшую ценность, смысл жизни. Именно гибель сына привела Шмелева к тяжелейшему экзистенциальному кризису, к утрате веры в человека и человечество, к великому «крушению кумиров» [5, с. 3–15]. По словам Д. В. Макарова, *герой-повествователь* в «Солнце мертвых» «наблюдает полный крах... культуры, удобного земного бытия, возможности человеческого счастья, и, по сути дела, терпит крах лежащая на последней глубине идея Царствия Божия на земле» [6, с. 66].

Для нас же знаменательно именно то, что в проживании своего и общего горя Шмелев ощутил в полноте чувство богооставленности и следующий за ним ужас безверия:

«Я все потерял. Все. Я Бога потерял и какой я теперь писатель, если я потерял даже и Бога. С большой ли, с малой буквы – бог (Бог) – он нужен писателю, необходимо нужен. Мироощущение на той или иной религиозной основе – условие, без чего нет творчества. Откуда идти и к чему? Почвы нет. Вся вышла. Надо искать. Где найти? И поздно уже. Но не стоит о сем. Душа истекла. Нет сына, нет единственного. И еще живешь и мучаешься. Но почему нет силы уйти совсем, не быть? Об этом долго писать. Вся жизнь наша, моя и Оли, – тьма теперь, и в этой тьме жгучая незамирающая боль. <...> ...благодарю за попытку ободрить и смягчить боль. Родной Вы, редкий человек в наши дни. Я так мало видел участия. Засыхают люди, черствеют в нужде, в борьбе за кусок. И не упрекнешь. Но зато на многое открыв[аются] глаза. О, волчье порождение, человек! Обезьянье семя. Как тонка позолотца-то оказалась. Пришли кого-то с сухой тряпкой – и нет позолотцы. И вылетел Бог, как пыль, и стало человеческое – человечьим. Скверно» (Письмо И. С. Шмелева В. В. Вересаеву 20 октября – 2 ноября 1921 г., Алушта) [4].

Характерно то, что в данном письме Шмелев называет религиозное мироощущение необходимой основой для творчества. То есть вера в тот момент воспринималась Шмелевым скорее как нечто вспомогательное, чем самоценное.

В тексте эпопеи «Солнце мертвых» о кризисе веры говорится в выражениях, явно родственных тем, что мы видели в письмах Шмелева:

«Виноградная балка... Овраг? Яма? Нет: это отныне мой храм, кабинет и подвал запасов. <...> Отныне мой храм?.. Неправда. У меня нет теперь храма. Бога у меня нет: синее небо пусто. Но шиферно-глинистые стены – мои хранители: они укрывают от пустыни...» [2, с. 467–468].

Автобиографичность эпопеи «Солнце мертвых» не вызывает сомнения. Однако в тексте мы не найдем ни одного прямого упоминания о родительском горе автора: оно как будто уступает место общему русскому горю – всем людям, потерявшим самое дорогое: своих отцов, матерей, детей. Тем не менее, если приглядеться и срав-

нить художественное произведение с теми же письмами, можно обнаружить в «Солнце мертвых» множество намеков на историю Сергея Шмелева. Во-первых, она проглядывает в формулировках-эвфемизмах смертной казни «*выслан на север, в Харьков*» – именно такой ответ получал писатель от представителей власти на вопрос о судьбе сына [4]. Вот цитата из главы «Что убивать ходят»: «*Многие уже... “высланы на север... в Харьков...” – на том свете*» [2, с. 478].

Во-вторых, судьба некоторых героев «Солнца мертвых» в разных вариациях напоминает судьбу Сергея Шмелева. Знаменательно, что именно картиной отцовского горя Шмелев завершает событийный ряд своей эпопеи. В последней главе «Конец концов» от бывшего дрогалья¹ Максима рассказчик узнает об аресте своего знакомого и коллеги, молодого писателя Бориса Шишкина – одного только ждавшего – «*залезть в Хаос [так Шишкин назвал свою пещеру-убежище. – Е. Д.] и писать рассказы*», «*тихого, кроткого счастливца, с которым играла смерть*» [2, с. 634]. Сходство с судьбой Сергея Шмелева в том, что Борис, как и сын писателя, участвовал в Первой мировой войне и при этом представлен автором как человек совершенно не воинственный, «кроткий», что тоже совпадает с тем, как Шмелев описывал своего сына в письмах. В финале главы к рассказчику приходит сам отец Бориса, только что узнавший о том, что обоих его сыновей расстреляли. Важно, что в его историю вплетается еще одна, подобная. И везде присутствует характерный набор «автобиографических» мотивов (молодость, кротость, невиновность убитых, их участие в Первой мировой войне; то, что весть о смерти доходит до родителя только спустя время):

«Сейчас иду в городе... сказал мне кто-то... Кашина сына расстреляли в Ялте... виноделова. И отец помер от разрыва сердца... Мальчик был, студент... славный мальчик. На войне был с немцами, а то все здесь жил тихо... рабочие любили... Хорошо. В приказе напечатано... на стенке. Стал читать... Обоих моих.

– *Что?!*

– *Обоих сынов... – сделал он так, рукой... – как раз сегодня... две недели. За разбой. Бориса... за разбой!..»* [2, с. 635].

О том, что личное горе автора присутствует в тексте «Солнца мертвых», свидетельствует следующий фрагмент: «*Грецкий орех,*

¹ Дрогаль (диалект.) – ломовой извозчик. См.: <https://sinonim.org/t/дрогаль>.

красавец... Он входит в силу. ...он подарил нам в прошлом году три орешка – поровну всем... Спасибо за ласку, милый. Нас теперь только двое...» [2, с. 468]. Нам также думается, что в первую очередь с памятью о погибшем сыне связан у Шмелева мотив *ласки*: «*Мои лохмотья... Последние годы жизни, последние дни – на них последняя ласка взгляда...»* [2, с. 457]. «*Я останусь свидетелем жизни Мертвых. Полную чашу выпью. Или бросить тебя, причал последний, наш кроткий домик – с последнею лаской взгляда?..»* [2, с. 631].

Итак, личное родительское горе Шмелева, отражаясь в трагических судьбах его героев, множится, и таким образом создается картина всенародного горя. Но при этом сохраняется много конкретных биографических черт и авторских намеков на произошедшее в действительности, и в этом прочитывается главный нерв произведения – необобщенная, живая боль утраты. История о потерянном сыне подспудно пронизывает весь текст «Солнца мертвых». Поэтому мы считаем, что именно она подразумевается и в том фрагменте из первой главы, с которого мы начали разговор: в своих «*пышных снах*» рассказчик ищет близкого человека, с которым его разлучили и с которым, что важно, связан смысл его жизни. Кошмар заключается в том, что найти его невозможно – ни во сне, ни наяву. После пробуждения героя вновь встречает *пустыня* (одна из глав так и называется), и в этой пустыне жизненно важный поиск героя продолжается. Но мотивирован он именно физической и метафизической пустотой.

Мотив поиска закономерно сопряжен с мотивом хождения, движения. В «Солнце мертвых» автобиографический герой-повествователь много перемещается, но его движение трудно назвать дорогой, путем в буквальном смысле, потому что оно никуда не выводит героя, пространство маленького крымского городка на берегу моря замкнуто, гибельно [7, с. 887, 890].

Пространственная замкнутость поддерживает тему безысходности, экзистенциального тупика. О гибельной замкнутости недвусмысленно говорит название одной из глав — «*Круг адский*». С этой темой связан также мотив *петли*. Петляет крымская горная дорога, шоссе на Ялту, в загадочный город, куда постоянно ездят представители новой власти, по Шмелеву – бесы, душегубы, убийцы. Основное же значение образа *петли* в эпопее – метафора голодной смерти:

«Что, Тамарка? И ты, бедняга, попала в петлю... А примириться не хочешь: упрямо стучишь копытом, бьешь головой в ворота! Похудела же ты, бедняга...» [2, с. 464].

«– Мама послала... дайте... маленький у нас помирает, обкричался... Крупки на кашку дайте... Папа Гриша уехал, повез кровати...

Я бессильно смотрю на нее, в петлю попавшую, как и все» [2, с. 521].

«Праведники... В этой умирающей щели, у засыпающего моря, еще остались праведники. Я знаю их. Их немного. Их совсем мало. Они не поклонились соблазну, не тронули чужой нитки, – и бьются в петле» [2, с. 547–548].

Также петля встречается в эпосе как часть несколько измененной классической метафоры человеческой судьбы – пряжи, которую прядут античные богини судьбы Парки: *«Я его вижу в последний раз! Ни он и никто не знает, что вот случится... Детски наивное лицо его светится таким счастьем. А где-то плетутся петли, и никто не чуёт, какая спасет от смерти, какая его задавит» [2, с. 538].* Изменение традиционной метафоры заключается в том, что в античной мифе смерть человека происходит вместе с обрыванием нити его судьбы по воле богини. Здесь же сама нить превращается в петлю, то есть само существование человека (голод, насилие, горе) может стать орудием смерти.

В «Солнце мертвых» с мотивом судьбы также связаны мотивы смеха и игры. Эти мотивы встречаются и в письмах Шмелева, где он пишет о том страшном времени, когда они с женой потеряли сына: *«Мы все верили, все ждали. Ибо всевозможные версии складывались... Но то была петля Рока. Этот Рок смеется широко мне в лицо – и дико, и широко. Я слышу визг-смех этого Рока. О, какой визг-смех! Железный, в 1000° мороза – визг ледяного холода» [цит. по: 1].* Смех и игра становятся атрибутами слепой или даже намеренно жестокой к человеку судьбы, антибожественной с христианской точки зрения. Об этом красноречиво говорят название и сюжет главы «Игра со смертью». Таким образом, судьба становится одним из синонимов смерти.

Мотивы смеха и игры характеризуют и природный мир, создавая картину равнодушия природы к человеку: *«Я знаю эту усмешку dalej. Подойди ближе – и увидишь... Это же солнце смеется, только солнце! Оно и в мертвых глазах смеется. <...> И на штыке*

солнышко играет. <...> Смотрят на него горы... Я вижу тайную их улыбку – улыбку камня... Серееет под Демерджи обвал – когда-то татарская деревня. Века глядела гора в человечье стойло. И показала свою улыбку – швырнула камнем. Да будет каменное молчание! Вот уж идет оно» (глава «Пустыня») [2, с. 463–464]. Опять же, губительным оборачивается то, что одновременно является и источником жизни: солнце, море, вообще природа. И в этой обманчивости повествователь также видит злую усмешку неких сил, стоящих над человеком.

Мотив судьбы в античном, языческом понимании противоречит христианскому представлению о Божием Промысле и свободе человеческой воли. Противоречит этому и образ злого и жестокого божества, намеренно издевающегося над своим беспомощным созданием. Но именно такой искаженный образ Бога складывается из перечисленных лейтмотивов в «Солнце мертвых». Осмелимся предположить, что так выразила себя измученная душа автора, еще не познавшая опыта веры в Воскресшего Христа, даровавшего людям Жизнь Вечную, и надежду на встречу со своими дорогими умершими, и утешение во всяком горе. Войны, бедствия, потери, несправедливость – неотъемлемая часть падшего мира, вечный спутник человеческой жизни, но в Евангелии сказано: *«Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: <...> претерпевший же до конца спасется»* (Мф. 24, 6–13). Для Шмелева страдание Богочеловека на кресте и Его Воскресение тогда еще не стали живой опорой, не требующей логических обоснований. Поэтому в «Солнце мертвых» мы видим, как мучается человеческий разум от бессилия разрешить вопросы «За что?» и «Зачем?» Ему кажется, что несправедливость мира, власть и благоденствие недостойных говорят об отсутствии Божьей милости и победе зла и смерти.

В этом «царстве смерти» движение рассказчика, на первый взгляд, почти бесцельно: оно вызвано необходимостью выживать, добывать пищу и топливо, но автобиографический герой Шмелева делает это механически, чтобы *убить время, убить мысли*. Смысл жизни утрачен, физические силы иссякли, воля к жизни ослабла. Несмотря на это, движение продолжается, как и поиск окончательного ответа на вопрос о высшем смысле катастрофических событий.

Итак, мы выявили несколько значений мотива *поиска*. Во-первых, это добыча средств к существованию, попытка уйти от вездесущей смерти. Второй смысл, который лежит на поверхности, – стремление хотя бы на время уйти от страшных картин настоящего в забытие и бесчувствие, притупить боль. В-третьих, самое главное значение мотива – аксиологическое: это поиск утраченных высших ценностей. Хождение героя-писателя «по мукам» и впитывание в себя чужого горя сопряжено не только с тяжёлым трудом, бесконечным ужасом и проклятием мучителей, но и с поиском правды, некой нерушимой основы бытия. Мёртвая пустыня вокруг и пустота в душе заставляют героя искать вечное и нерушимое, способное наполнить собой всё – Бога.

Богоискательство рассказчика в «Солнце мертвых» предстает как очень трудное дело. На пути автобиографического героя – писателя интеллигентско-демократической закваски рубежа XIX–XX вв. – встает его собственный рациональный ум, желающий вместить и объяснить столь страшные вещи, покрыть их жаждой суда, отмщения. Как пишет Е. А. Осьминина, «у Шмелева – бывшего юриста, воспитанного в алканиях социальной справедливости, – громко звучит еще и нота гражданского протеста. Возмущение беззакониями революции и красным террором. Оказавшись в эмиграции, он считал долгом уцелевшего рассказать о том, что произошло в России, привлечь внимание, так сказать, мировой общественности. Отсюда его бурная публицистическая деятельность по приезду за границу» [1]. И в «Солнце мертвых», и в рассказах, и в публицистике первых 20-ти с лишним лет эмиграции очень явственно звучит тема воздаяния большевикам за совершенное зло, жажда прижизненного «реванша». Эта убежденность дорого стоила Шмелеву: в результате своей уверенности в понимании духовной сути вещей (советская власть и все ее представители – служители дьявола, сами бесы, а не люди) Шмелев воспринял нападение нацистской Германии на СССР с радостью. Он был уверен в победе Гитлера. Об этом свидетельствует, в частности, его переписка с О. А. Бредиус-Субботиной:

«Я так озарен событием 22.VI, великим подвигом Рыцаря, поднявшего меч на Дьявола. Верю крепко, что крепкие узы братства отныне свяжут оба великих народа. Великие страдания очищают и возносят» (30 июня 1941 г.).

«Я услышал фанфары, барабан – в 2 ч. 30 мин., – специальное коммюнике: прорван фронт дьявола, под Вязьмой, перед Москвой, армии окружены... идет разделка, Преподобный в вотчину свою вступает. Божье творится не нашими путями, а Его, – невнятные для нас» (9/26 октября 1941 г.) [8].

Позже И. С. Шмелев осознал свою ошибку, о чем также можно узнать из его писем к О. А. Бредиус-Субботиной за 1945 г.:

«Страшно подавлен всеми ужасами, что ныне обнаружилось в “подвигах” проклятых наци-социалистов, – “обновителей”-то! Конечно, – дьяволово действо! Не обольщаюсь и “национальной гордостью”, и все же – душа моя – там, в родном. Да и всегда была...» (3 августа 1945 г.) [9, с. 320].

«Говорю о вызволенных тобою от немцев. Геройка ты... – и воздастся тебе за душу твою живую, за большое сердце. Да, ты чудо совершила. Ты – с п а с л а [разреженный шрифт И. С. Шмелева]. Их истребили бы злой погибелью, сатанинской утонченностью истязаний. Я, в страстности, был неправ, был жесток... моя рана не закрыта: миллионы русских людей замучены, как и мой мальчик... и я знаю, – кем. Но не думай, что я ношу зло в сердце. Я не мог бы отмщать» (25 сентября/8 октября 1945 г.) [9, с. 356].

Вернемся к «Солнцу мертвых» и рассказам 1920-х гг. В эпопее герой-повествователь, с одной стороны, в творящемся беззаконии видит признак богооставленности. С другой стороны, он наполнен эсхатологическим ожиданием высшего суда, свершение которого означало бы возвращение Божьей Правды на землю и служило бы доказательством бытия Божия. Так, в «Солнце мертвых» есть повторяющаяся фраза, которая впервые встречается в первой главе (здесь выделена жирным шрифтом. – Е. Д.): *«Чертит на нем [на отвесе Куш-Каи] неведомая рука... Страшное вписала в себя серая стена Куш-Каи, видная недалеко. Время придет – прочтется...»* [2, с. 458] Эта образность явно отсылает к Откровению Иоанна Богослова – книге жизни, в которой записаны человеческие дела, по которым Господь будет судить людей (Откр. 20, 12).

Однако вера в грядущее воздаяние грешникам вступает в противоречие с невозможностью представить присутствие Божие в этом падшем мире: в главе «В виноградной балке», как мы уже цитировали, рассказчик произносит: *«Бога у меня нет. Синее небо пусто»* [2, с. 468]. Неоднократно он взывает к небу, морю, горам – ко

всему, что больше человека, в чем можно искать знамения Божия. Взывает и к Господу, ждет от Него какого-то знака в надежде на то, что страдания окажутся не бессмысленны, но знака нет, и герой вновь приходит к тому, что миром правит не Божий Промысл, а некая слепая сила и потому все обречено на поругание и небытие. Вот характерный отрывок из главы «Волчье логово», где рассказчик видит, как один отец семейства забивает другого до смерти за подозрение в краже коровы:

«С детства еще привык отыскивать Солнце Правды. Где Ты, Неведомое?! Какое Лицо Твое? <...> Хочу Безмерного – дыхание Его чую. Лица Твоего не вижу, Господи! Чую безмерность страдания и тоски... ужасом постигаю Зло, облекающееся плотью. <...> Великие мудрецы, где вы?! <...> В луче бы солнца спустились... Свершили чудо! Сошли бы в дожде на землю, радугой перекинулись над морем, упали в громе! Или спускались вы, да продали вас за грош, на обертку пустили под собачье мясо, в пыжи забили? В Проповеди Нагорной продают камсу ржавую на базаре, Евангелие пустили на пакеты... Пустое небо прикрылось синью, море прикрылось синью: стоит одно другого... Где теперь планы и... философия? Так и все. Чья-то слепая сила. Метет... И... солнце по кругу ходит. Вечно ли ходить будет... Придет и на него сила. И оно не будет ходить по кругу» [2, с. 516–517, 519].

Следующая важная точка в колебаниях героя между безверием и верой – это глава «Жива душа!». Здесь важно остановиться на слове «душа», ведь оно является одним из главных в христианской культуре и антропологии.

Душа – то, что делает человека человеком, по-настоящему, а не только «биологически» живым. Согласно Православной энциклопедии, «душа [греч. ψυχή] вместе с телом образует состав человека, будучи при этом самостоятельным началом; душа человека заключает образ Божий (по мнению одних отцов Церкви; по мнению других – образ Божий заключен во всем человеке, т. е. в его душе и теле) и возможность богоподобия, которые получает как дар Божий вместе с бытием; душа человека бессмертна» [10, с. 440].

Душа – крайне важное понятие в творчестве И. С. Шмелева, и оно понимается им в православном ключе. В исследуемых нами произведениях слово *душа* употребляется в разных контекстах:

Шмелев пишет как о душе человеческой, так и о национальной: например, в главе «Чудесное ожерелье» Шмелев проклинает вождей революции за то, что они совершили самое страшное преступление – «Душу убили великого народа» [2, с. 526]. То есть убили саму Жизнь, убили Правду (см. также более поздние рассказы «Крест» и «Виноград» об убийстве крестьянки Марии Хлебниковой: ее образ Шмелев сделал символом убитой Жизни, Правды, Родины [5, с. 119, 126]).

Но в центре внимания Шмелева все же чаще оказывается душа конкретного человека. Душа повествователя в «Солнце мертвых» страдает и разрушается от соприкосновения с жестокостью и неправдой, изнывает от вопиющей несправедливости происходящего, болит за тех, кто страшно и безвинно мучается и умирает в мучениях – физических и нравственных. В первой главе мы видим необычную метафору «*чують болью*» [2, с. 455]. Обычное употребление идиомы с этим глаголом – *чують сердцем*. Сердце здесь – синоним души. Значение авторской метафоры, видимо, в том, что боль заполняет душу настолько, что как бы замещает её. Сама боль становится главным органом восприятия, сердцевиной человека. Боль связывает повествователя с каждым страдающим существом окружающего его гибельного пространства. Глаголы 1 лица *чую, знаю, понимаю, вижу* используются автором очень часто, образуя лейтмотив *сострадания* повествователя героям эпопеи. В этом, по Шмелеву, заключается миссия писателя. Своя боль роднит его автобиографического героя с другими. Он испытывает чувство общности со всем народом и берёт на себя ответственность фиксации и озвучивания людского горя. Он как будто готовится к *свидетельству* перед Богом на Страшном Суде.

Мотив принятия на себя чужой боли — безусловно, христианский. К нему же относится и повторяющийся в эпопее евангельский образ *чаши*. По сути, на протяжении всей книги мы наблюдаем, как повествователь *выпивает* эту *чашу* до конца, как он несёт свой крест личного и общего горя. Периодически он хочет уйти от него в забытье, безмыслие: не слышать, не видеть, спрятаться. И не может. Он снова и снова, на каждом шагу, встречается со страшными событиями и снова берёт на себя труд и муку *говорить об этом*. Поэтому, наверное, так много фигур умолчания, многоточий, намеков – все это создает ощущение затрудненности речи. В этом мы

видим и то, как тяжело дается герою обретение веры в Бога. Для этого, он чувствует, ему нужно излечить собственную душу, поврежденную горем, ведь именно душа способна к богообщению.

Исцеление души может произойти исключительно по благодати Божией – если человек доверяет Богу и хочет исцеления. В главе «Жива душа!» Шмелев описывает начало этого процесса. Главное событие главы – ночной визит старого татарина Абайдулина. Абайдулин передает рассказчику от другого татарина, Гафара, долг за проданную рубаху – яблоки, грушу, муку, табак. Но герой отвык от проявлений щедрости и великодушия, от того, что было таким обычным в нормальной жизни, – делиться друг с другом. Поэтому он воспринимает это событие мистически: не как возврат долга, а как подарок, более того – как чудо, свидетельство посещения Божия, которое послужило обновлению веры:

«Дикарь, татарин? Велик Аллах! Жива человеческая душа! жива!! <...>

– Аллах... – говорит в огонь сумрачное коричневое лицо. – У тебя Аллах свой... у нас Аллах мой... Все – Аллах! <...>

Теперь ничего не страшно. Теперь их нет. Знаю я: с нами Бог! <...> Татарин привел Его! Это Он велит дождю сеять, огню – гореть. Вниди и в меня, Господи! Вниди в нас, Господи, в великое горе наше, и освети! Ты солнце вложил в сучок и его отдаешь солнцу... Ты все можешь! Не уходи от нас, Господи, останься. В дожде и в ночи пришел Ты с татаринцом, по грязи... Пребудь с нами до солнца!» [2, с. 609, 610].

Надо отметить, что история про татарина является одним из вариантов повторяющегося сюжета, который можно назвать ключевым в творчестве Шмелева – особенно тех лет. Неожиданная встреча с человеческим милосердием, столь нерациональным в тяжелых условиях времени, описана несколько раз и в «Солнце мертвых», где сам рассказчик часто делится последним с приходящими к нему детьми, не убивает ради пищи своих домашних птиц, испытывает сострадание ко всему живому. Учительница Марина Семеновна делится хлебом со своим врагом, умирающим от побоев дядей Андреем, укравшим у нее козла Бубика – последнюю надежду на то, что ее маленьким внукам будет чем кормиться зимой (глава «Три конца»). Пробудилась *душа* и в большевике-матросе, охранявшем подвал с ожидающими казни невинными. Одним из арестованных

оказался его земляк, вологодский старик-профессор. В результате матрос всех выпустил из подвала.

«– Как – чего? Да я сам вологодский, как ты... православный!

– Как так?! Ужли и ты вологодский?! – обрадовался матрос, и его широкое, как кастрюля, дочерна загорелое лицо раздвинулось еще шире и заиграло зубами» (глава «Голос из-под горы») [2, с. 543].

Характерно здесь и то, что религиозное по своей сути чувство правды у Шмелева неразрывно связано с чувством и узнаванием родного, с любовью к своей стране и вере (см. рассказы «Голуби», «Музыкальное утро», «Каменный век», «Письмо молодого казака», «В ударном порядке» и др.) [3; 5]. Память о родном, о своей земле, о своей матери – последнее, что можно отнять. Это то, что воскрешает душу, возвращает падшему человеческий облик, пробуждает милосердие. В милосердии, по Шмелеву, заключена подлинная суть русского человека:

«Ключ к сущности нашей культуры: милосердие, сострадание к человеку, к душе человека, – ведь это в гл<авном> русле нашей духовности и душевности, это основа нашей культуры, святая свят<ых>, от истоков, от Слова Божия» (Письмо И. С. Шмелева И. А. Ильину от 14 марта 1937 г.) [8].

Вера в «Божью искру в человеке» становится основой мироощущения героев многих рассказов Шмелева, их последним оплотом веры в божественную осмысленность существования. Это и история управляющего громадным княжеским имением, спасенного кондуктором поезда от преследователей-большевиков (рассказ «Свечка», 1924 г.), и подвиг очнувшегося от помутнения русского силача Петра по прозвищу Куды-Прё, своей невероятной силой освободившего обреченных на казнь офицеров и себя с товарищем из покидающего Одессу большевистского поезда («Сила. Рассказ спасенного», 1924 г.). Приведем здесь характерную цитату из финала «рассказа управляющего» «Свечка»:

«Столько за эти годы перевидал, народ наш знаю, соли пуды с ним съел... – и вот, скажу: злое в нем подняли и – затопили [речь идет про революцию. – прим. авт.]. Перед смертью не раз стоял – и сколько видел, как в самом даже безнадежном, в самом отплетом человеке... и вдруг, каким-то чудом, чистый огонек затеплится, засветит в нашей кошмарной ночи!.. Неужели и его погасят?! Ну, тогда и Стар-Новки мне не надо...» [3, с. 99]

Вернемся теперь к разговору о богоискательстве в «Солнце мертвых». Глава «Жива душа!» – одна из кульминационных. Следующая после нее глава начинается со слов: *«Я никак не могу уснуть. Коснулся души Господь – и убогие стены тесны. Я хочу быть под небом – пусть не видно его за тучами. Ближе к Нему хочу... чують в ветре Его дыхание, во тьме – Его свет увидеть»* [2, с. 610]. После нее можно ожидать, что власть мыслей об онтологической пустоте и победе Зла станет не такой крепкой, как это и происходит во многих рассказах, о которых мы говорили выше.

Для сравнения стоит вспомнить рассказ «Свет Разума» 1926 г., который тоже принадлежит к крымскому циклу. В нем встреча рассказчика с дьяконом, во время праздника Крещения посрамившим местного лжеучителя и большевиков силой истинной веры, вселяет надежду в восстановление Правды Божией на земле. *«Что страх человеческий! Душу не расстреляешь»*, – такую формулу вкладывает Шмелев в речь дьякона [5, с. 83]. Рассказ заканчивается на радостной, жизнеутверждающей ноте.

Но «Солнце мертвых» – все же книга о смерти, а не о жизни. Описанные в ней страдания столь велики и так сильны боль и отчаяние автобиографического героя от незащитности слабых и невинных перед насилием и голодом, что эмоции протеста и непонимания не уходят со страниц «Солнца мертвых» до конца. Обратимся к финальной главе эпопеи – «проклятые вопросы» продолжают звучать в ней:

«Я сидел на бугре, смотрел через городок на кладбище. Всмотривался в жизнь Мертвых. Когда солнце идет к закату, кладбищенская часовня пышно пылает золотом. Солнце смеется Мертвым. Смотрел и решал загадку – о жизни-смерти. Может случиться чудо? Небо – откроется? И есть ли где это Небо? <...> Я останусь свидетелем жизни Мертвых. Полную чашу выпью. Или бросить тебя, причал последний, наш кроткий домик – с последнюю лаской взгляда?.. весны добиться и... начать великое Восхождение – на Горы? Муку в себя принять и разделить ее с миром? А миру нужна ли мука?! У мира свои забавы... Весна... Золотыми ключами, дождями теплыми, в грозах, не отомкнет ли она земные недра, не воскресит ли Мертвых?» [2, с. 631].

В этом отрывке мы видим, что цитата про Воскресение мертвых из православного Символа Веры приведена тут в отрыве от кон-

текста: в Символе Веры за этим следует «и жизни будущего века». Шмелев же соединяет здесь мотив воскресения с весной, с календарным обновлением природы. Из этого возникает вопрос: о каких мертвых идет речь – в буквальном смысле умерших или еще живых, но обреченных на медленное умирание? Действительно, умерших, согласно православному вероучению, может воскресить только Господь Бог в день Страшного Суда – для жизни будущего века. Получается, что в этом фрагменте звучит, вместе с надеждой на всеобщее весеннее пробуждение и спасение еще живых, отчаянная надежда на невозможное: на воскресение мертвых в этой жизни силой природы, на некое прижизненное отмщение. Вероятно, здесь вновь возникает память о том времени, когда писатель еще не был до конца уверен в гибели своего сына и допускал возможность его возвращения.

После возгласов *«Чаю Воскресения Мертвых! Я верю в чудо! Великое Воскресение – да будет»* [2, с. 631], означающих, казалось бы, твердость упования на Бога, автор помещает один из самых жутких образов эпопеи – ребенка-«смертеныша». Он становится итоговым символом в произведении – символом страшного времени, символом краха человеческого мира и победившей смерти. Рассказчик видит на дороге истощенного ребенка 8–10-ти лет «с большой головой на палочке-шейке, с ввалившимися щеками, с глазами страха» [2, с. 632]. Следом рассказчик видит его мать с умирающим младенцем на руках. Мы узнаем, что ее муж-большевик ушел к «партийной» и она осталась одна с четырьмя детьми без средств к существованию. Двое детей уже умерли, теперь умирает младший. Женщина идет в город, «к власти»:

«– Скажу... проклятым... убейте лучше... <...> Она начинает выть, как от боли:

– Петичка... последышек мой... желанный... три годочка... С голоду спит... бужу его: “Проснись, Петичка... за хлебушком пойдем в город...” А Петичка мне... “Ах, мамочка... патиньки нада... я са-ало ел... я мя... а...со ел...” Гляжу, а у подушечки-то... уголочек... сжеван...» [2, с. 632].

Рассказчик «убежал от них в балку. Следил оттуда – ушли ли?». После увиденного ужас и боль его доходят до предела, и он восклицает – ясно, что его яростный вопль обращен к Богу: *«Да когда же накроет камнем??! Когда разматается клубок?.. Скажут горам:*

падите на нас! Не падают... Не пришли сроки? Прошли все сроки, а чаша еще не выпита!.. <...> Почему же такое пустое море?! Такое тихое и – пустое! Где пароходы чудесных, богатых стран?» [2, с. 632].

В художественном мире эпопеи «Солнце мертвых» изображение чудесного спасения отсутствует (в отличие от многих перечисленных рассказов Шмелева), что означает и отсутствие прямого ответа на вопрошание к Богу о смысле происходящего.

Как мы уже говорили, последнее событие в «Солнце мертвых» – встреча рассказчика с отцом, только что узнавшем о расстреле своих сыновей, и душераздирающее описание молчаливого отцовского горя. Называется последняя глава так же безысходно – «Конец концов». Завершается эпопея ночной песней дрозда, «встречающего свою весну». «Но отчего так грустно?» – вопрошает рассказчик. Не до конца понятна природа этой тихой грусти, такой неожиданной после гнева, отчаяния, опустошенности. Какова природа этого чувства? Говорит ли оно о примирении героя с Богом и о возможном возрождении души? Или, наоборот, свидетельствует об унынии человека, убежденного, что *для него* весна уже никогда не наступит? Думается нам, что однозначного ответа на этот вопрос не найти.

Поэтому нельзя сказать с уверенностью о том, что автобиографический герой «Солнца мертвых» выстроил свои отношения с Богом, твердо уверовал в Его Премудрость. Создается ощущение, что в тот переходный момент Бог все еще остается для него в прошлом, и вот почему.

Образ Бога у Шмелева – в творчестве, в созидании. В простом и честном труде, направленном на благо человека. «*Ах, какой был чудесный оркестр – жизнь наша! Какую играл симфонию! А капельмейстером была – мудрая Жизнь-Хозяйка*» (глава «Голос из-под горы») [2, с. 539]. Вспомним здесь также рассказы «Свечка. Рассказ управляющего», «В ударном порядке (Рассказ ветеринара)», «Крест», где Шмелев создает образы великих хозяев прошлого. Многочисленные хозяева воспеваются Шмелевым и в «Солнце мертвых».

Красота природы и человеческой жизни – одна из главных ценностей для автора и его героев (рассказчика, доктора и других «людей культуры»). Грубое и бессмысленное уничтожение рукотворной (культурной) красоты, созданной многолетним трудом и заботой

человека, ужасает и потрясает автора и близких ему героев. Нечувствительность к красоте у Шмелёва является одним из важнейших доказательств того, что большевистская власть представляет собой силы зла. Красота и гармония – признак присутствия божественного начала. Поруганные святыни, по Шмелеву, – это не только храмы, монастыри, раки с мощами, но и разоренные имения, фермы, дома и сады.

Где же искать Бога, если не в гармонии, правде и красоте? Если Бог попустил гармонии, правде и красоте – в их конкретных земных проявлениях – погибнуть страшным образом? Значит ли это, что Бога нет? Или что Бог зол? Мы думаем, что эту проблему Шмелев начал решать уже после «Солнца мертвых», создавая в своем творчестве нетленный образ прекрасной, святой России, проникнутой Божественным присутствием. В «Солнце мертвых» и в рассказах 1920-х гг. мы видим начало этого пути. На страницах эпопеи чувство богооставленности все же не покидает автобиографического героя, но при этом не прекращаются его попытки пробиться к Богу сквозь боль, страх и ужас падшего мира, обрести Царство Божие не в земном счастье, а, по словам Евангелия, в своей душе.

Заключение

Итог данной работы – представление о том, что эпопея И. С. Шмелева «Солнце мертвых» содержит в себе изображение потрясенной человеческой души на распутье, описывает духовный путь человека, начавшийся с ощущения богооставленности и сомнений в бытии Божиим. В результате исследования была выявлена группа мотивов, образующих тему богоискательства, а именно мотивы безумия, сна, слепоты, поиска, движения, страдания, интеллектуального бессилия, надежды. Выяснено, что ключевым понятием антропологических представлений Шмелева является бессмертная душа, отвечающая за связь человека с Богом, что совпадает с христианским вероучением. Также было изучено, из каких мотивов и понятий складывается в эпопее образ Бога. Это мотивы судьбы, жестокости, справедливости, смерти, воскресения, мудрости, красоты, плодородия, милосердия, самопожертвования, света, создающие антонимичный и искаженный с точки зрения христианства образ Бога. Однако в «Солнце мертвых» и в рассказах Шмелева был

выявлен инвариантный сюжет о воскрешении веры в результате встречи человека с милосердием и самопожертвованием – для Шмелева это означает сохранность образа Божия в человеке. Из этого следует, что в «Солнце мертвых» отражены сомнения писателя, его переход от маловерия и отчаяния к вере – ведь путь к Воскресению только один: через смерть.

Список литературы

1. *Осьминина, Е. А.* Радости и скорби Ивана Шмелева / *Осьмина Е. А.* – Lib.ru: Классика : сайт. – URL: http://az.lib.ru/s/shmelew_i_s/text_0020.shtml (дата обращения: 01.06.2024).
2. *Шмелев, И. С.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Солнце мертвых : повести, рассказы, эпопея / *Ив. Шмелев.* – Москва : Русская книга, 1998. – 640 с., 1 л. портр. – ISBN 5-268-00158-2.
3. *Шмелев, И. С.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 7 (доп.). Это было : рассказы, публицистика / *Ив. Шмелев.* – Москва : Русская книга, 1999. – 592 с. – ISBN 5-268-00434-1.
4. *Шмелев, И. С.* Письма А. В. Луначарскому / *Шмелев И. С.* // Азбука веры : православный портал. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/pisma-lunacharskomu/> (дата обращения: 02.06.2024).
5. *Шмелев, И. С.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. Въезд в Париж : рассказы, воспоминания, публицистика / *Ив. Шмелев.* – Москва : Русская книга, 1998. – 512 с. – ISBN 5-268-00213-9.
6. *Макаров, Д. В.* Христианские понятия и их художественное воплощение в творчестве И. С. Шмелева : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / *Макаров Денис Владимирович* ; Ульяновский государственный технический университет. – Ульяновск, 2001. – 194 с.
7. *Чень Сюе.* Пространство смерти в структуре романа И. С. Шмелева «Солнце мертвых» / *Чень Сюе.* – DOI 10.35634/2412-9534-2020-30-5-887-891 // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2020. – Т. 30, № 5. – С. 887–891.
8. *Щукин, Т. А.* Почему Иван Шмелев приветствовал вторжение в Советский Союз? / *Тимур Щукин* // Предание.ру : сайт. – URL: <https://blog.predanie.ru/article/pochemu-ivan-shmelev-privetstvoval-vtorzhenie-v-sovetskij-soyuz/> (дата обращения: 01.06.2024).
9. *Шмелев, И. С.* Роман в письмах. В 2 т. Т. 2 / *И. С. Шмелев, О. А. Бредиус-Субботина* ; подготовка текста и комментарий: *А. А. Голуб-*

Священник Евгений Михайлович Дынич. Богоискательство и богооставленность: о некоторых христианских мотивах в прозе И. С. Шмелёва о гражданской войне и первых...

ковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 856 с., ил. – ISBN 5-8243-0541-2.

10. Пономарёв, А. В. Душа // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. – Т. 16. – ISBN 978-5-89572-028-8. – С. 440–448.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024.

Статья поступила после рецензирования 17.07.2024.

Статья принята к публикации 25.07.2024.

UDC 2-591

**GOD-SEEKING AND GODFORSAKENNESS:
ON SOME CHRISTIAN MOTIVES IN
I.S. SHMELEV'S PROSE ABOUT THE CIVIL
WAR AND THE FIRST YEARS
OF SOVIET POWER (THE EPIC "THE SUN
OF THE DEAD", SELECTED STORIES
OF THE 1920S)**

Evgeny Dynich, Priest
PhD Student
Department of Philology
Moscow Theological Academy
Trinity Sergius Lavra, Sergiev Posad
141300 Moscow Region
E-mail: radtel@rambler.ru
ORCID: 0009-0007-5692-8376

For citation: Dynich E. M., priest God-seeking and Godforsakenness: on some Christian motives in I. S. Shmelev's prose about the Civil War and the first years of Soviet power (the epic "The Sun of the Dead", selected stories of the 1920s) EDN: IMXDGB // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2024, no. 3 (28). P. 189–215. (In Russian)

Abstract

The article examines the theme of God-seeking and Godforsakenness in I. S. Shmelev's prose of the 1920s and a complex of Christian motives associated with this theme. The study focuses on the epic "The Sun of the Dead". Also, to create a more complete picture of the phenomenon, a comparison was made with Shmelev's short stories and letters, related in theme and time of creation. The study used descriptive, motive and mythological methods.

As a result of the study, peculiarities of the artistic implementation of axiological, anthropological and religious categories in I. S. Shmelev's prose were revealed. According to the author of the article, the theme of God-seeking and Godforsakenness is formed by a certain range of motives in the works under study. The main ones are the motives of madness, sleep, blindness, search, movement, suffering, intellectual impotence, and hope. The image of God in the epic "The Sun of the Dead" is made up of contradictory motives of fate, cruelty, justice, death, resurrection, wisdom, beauty, fertility, mercy, self-sacrifice, and light. Also in Shmelev's writings, one of the main concepts associated with the theme of communication with God and faith is the immortal soul of man, which corresponds to Christian anthropology.

The main conclusion of the work is that in the epic "The Sun of the Dead" the image of God appears in a form somewhat distorted from the Christian point of view. The central object of artistic depiction in the epic can be called the transitional state of a human soul damaged by grief, which has not yet overcome its own despair and lack of faith, but actively thirsts to find support. In this regard, it is noted that the plot of finding faith in God as a result of meeting with human kindness and mercy becomes invariant both in "The Sun of the Dead" and in most of the studied short stories.

Keywords: I. S. Shmelev; "The Sun of the Dead" and short stories of the 1920s; Russian revolution and Civil war; the first years of Soviet power; the search for God and God-forsakenness; Christian tradition in Russian literature.

References

1. Osminina E. Radosti i skorbi Ivana Shmeleva [Joys and sorrows of Ivan Shmelev]. *Sait Klassika Lib.ru* [Website Classics Lib.ru]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/s/shmelew_i_s/text_0020.shtml (accessed: 01.06.2024).
2. Shmelev I. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1998, vol. 1, The Sun of the Dead: short stories, epic, 640 p. (In Russian).

3. Shmelev I. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999, vol. 7 (add.), It was: short stories, opinion-based journalism, 592 p. (In Russian).

4. Shmelev I. S. Pis'ma k A. V. Lunacharskomu [Letters to A. V. Lunacharsky]. *Pravoslavnyi portal Azbuka very* [Orthodox Portal ABC of Faith]. (In Russian). Available at: <https://azbyka.ru/fiction/pisma-lunacharskomu/> (accessed: 02.06.2024).

5. Shmelev I. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Russkaya Kniga Publ., 1998, vol. 2, Entering Paris: short stories, memoirs, opinion-based journalism, 512 p. (In Russian).

6. Makarov D. V. *Khristianskie ponyatiya i ikh khudozhestvennoe voploshchenie v tvorchestve I. S. Shmeleva. Diss. kand. filol. nauk* [Christian concepts and their artistic embodiment in I. S. Shmelev's works. Cand. philol. sci. diss.]. Ulyanovsk, 2001, 194 p. (In Russian).

7. Chen Xue Prostranstvo smerti v strukture romana I. S. Shmeleva "Solntse mertvykh" [The space of death in the structure of the novel by I. S. Shmelev "The Sun of the Dead"]. DOI 10.35634/2412-9534-2020-30-5-887-891 *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology]. 2020, vol. 30, no. 5, pp. 887–891. (In Russian).

8. Shchukin T. A. Pochemu Ivan Shmelev privetstvoval vtorzhenie v Sovetskii Soyuz? [Why did Ivan Shmelev welcome the invasion of the Soviet Union?]. *Sait Predanie.ru* [Website Predanie.ru]. (In Russian). Available at: <https://blog.predanie.ru/article/pochemu-ivan-shmelev-privetstvoval-vtorzhenie-v-sovetskij-soyuz/> (accessed: 01.06.2024).

9. Shmelev I. S. *Roman v pis'makh* [A novel in letters]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2004, vol. 2, 856 p. (In Russian).

10. Ponomarev A. V. Dusha [Soul]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2007, vol. 16, pp. 440–448. (In Russian).

10. Ponomarev A. V. Dusha [Soul]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2007, vol. 16, pp. 440–448. (In Russian).

Received 17 June 2024

Reviewed 17 July 2024.

Accepted for press 25 July 2024.